

Глава 1

*Время льется, как вино,
сразу отовсюду,
но однажды видишь дно
и сдаешь посуду.*

И. Губерман

Внутренняя тюрьма Лубянки... Не думал я, что когда-нибудь окажусь в ней, да еще в качестве заключенного. Но как мудро говорят в народе: от тюрьмы и от сумы не зарекайся. Вот и меня не миновала чаша сия. Теперь лежу в одиночной камере, накрывшись до ушей колючим шерстяным одеялом, и мелко трясусь, стуча зубами. Нет, вовсе не от страха. От ледяного озноба. Потому что к ночи у меня снова подскочила температура, и подозреваю, что на градуснике было бы сейчас под сорок. В камере довольно прохладно, но второе одеяло мне никто выдавать не собирается. Так что лежу, натянув на себя всю одежду, что у меня есть. Шерстяная водолазка, пиджак, джинсы — в чем был на момент ареста, в том в камеру и отправился. Остальное у меня отобрали при досмотре, даже из карманов пиджака и джинсов все до последней булавки повибтраживали. И мятую, полупустую упаковку аспирина тоже, конечно, конфисковали, а на мой возмущенный протест последовало равнодушное: «Не положено».

Короче, мне ясно дали понять, что мое здоровье никого здесь вообще не волнует. Подозреваю, если я подохну, особой трагедии из этого никто делать не станет.

Допрашивать меня вечером после ареста тоже никто не торопился. А зачем? Я теперь никуда от них не денусь. Надеются, наверное, что за ночь я себя сам так накручу, что утром начну петь как соловей.

Посреди ночи проснулся в ледяном поту, мокрый как мышь. Зуб на зуб не попадает, хоть водолазку выжимай. Но сухая одежда мне, видимо, тоже не положена. Мысли пугались, перескакивая с одного на другое, в голове стоял непрерывный гул, словно за стеной какой-то невидимый агрегат работает. Еще и грудина ноет, бугай зарядил мне локтем от всей души. И я понял четко: если сейчас не получу медицинскую помощь, до утра могу и не дотянуть. Так сурово я еще ни разу в жизни не болел. Полное ощущение, что эта реальность изо всех сил пытается от меня избавиться, как от инородного тела.

Из последних сил поднялся на ноги и с трудом добрал до двери. Начал стучать в нее кулаком, пытаюсь привлечь внимание дежурного по отсеку. Теряя последние силы и надежду на то, что кто-нибудь меня здесь услышит. Стучал я долго. А когда все-таки пришел дежурный, я просто уже не устоял на ногах и сполз кулем на пол камеры, теряя по дороге сознание. Дальше — темнота...

Очнулся на кровати, когда надо мной кто-то громким шепотом отчитывал охранника.

— Совсем сдурел?! Неужели еще вечером не было понятно, что у подследственного высокая температура? Почему дежурного врача не позвал?

— Не было распоряжения.

— А сам совсем без мозгов?!

— Я же доложил следователю! Тот сказал, что ничего с ним до утра не случится. Парень крепкий, спортивный, сам выздоровеет. Симулянтом его назвал.

— Симулянтом? А гематома на полгруды у этого «спортивного» откуда?! Кто-то из наших руки распускал?

— Не могу знать. Может, при задержании оказал сопротивление?

— Это черт знает что такое! Есть же стандартное правило — фиксировать травмы и побои при поступлении арестованных во внутреннюю тюрьму. Чтобы потом не было претензий, что здесь к подследственным применяют меры физического воздействия. Так что прости, сержант, но мне придется написать рапорт. Я не собираюсь отвечать за вашу самодеятельность, и мне здесь трупы не нужны.

Воцарилась тишина, к моей обнаженной груди прикоснулось что-то холодное. А на меня вдруг напал такой приступ кашля — думал, что свои легкие сейчас выхаркаю. Я долго сотрясался всеми внутренностями и никак не мог остановиться. Наконец прокашлялся с грехом пополам и без сил откинулся на подушку. Вытер трясущейся ладонью испарину со лба и с трудом приоткрыл слезящиеся глаза. Рядом стоял дежурный по отсеку и усатый седоватый мужик в белом халате.

— Простите, доктор... — Вместо слов из моего рта вырвался только нечленораздельный хрип.

— Молчи уже... Без твоих извинений как-нибудь проживу, — ворчливо ответил мне врач и снова приложил к моей груди металлический кругляшок стетоскопа. Долго слушал хрипы, потом покачал седой головой. — Везите его к нам, ему срочно под капельницу нужно.

— Но...

— Сержант, ты вообще слышишь, что я тебе говорю, а?! Я майор медицинской службы, будь любезен подчиняться приказу старшего по званию! Отправь кого-нибудь за каталкой и быстро его в лазарет. Исполняй!

— Есть!

По коридору протопали сапоги, грохнула решетка отсека, и кто-то начал накручивать диск телефона. В ночной тишине все звуки раздавались особенно отчетливо.

— Что ж ты, парень, себя до такого состояния довел? И где такую заразу подцепил?

— Заразу? Да я вроде два дня назад еще здоров был. Простыл, гуляя ночью по городу, а потом на самолете долго летел.

— Нет, на простую простуду это не очень похоже... — пожилой врач задумчиво потер подбородок, — скорее уж грипп какой-то мудреный. И, похоже, он тебе уже осложнение дал. Лекарства какие-нибудь принимал?

— Аспирин. Да и его отобрали.

— Аспирин? — усмехнулся доктор. — Нет, здесь уже нужен курс сильных антибиотиков, без этого не выкарабкаешься. А для начала давай-ка мы укольчик амидопирин сделаем, чтобы сбить твою температуру.

Амидопирин? Это тот, который пирамидон? Помню такое лекарство. Очень популярное было до 80-х годов, и жаропонижающее, и противовоспалительное. В армии нам его кололи при простуде, бронхитах и даже при солнечных ожогах. Что на юге было совсем не редкостью среди новобранцев.

— Как вас зовут? — Я попробовал сесть на шконке, но усатый придавил меня рукой обратно.

— Андрей Николаевич.

— А я Алексей. Русин.

— Знаю, — покивал доктор, простукивая мою грудь пальцами. — Был сигнал, что к нам заехал поэт очередной.

— А что, еще были?

— Вообще не положено на такие темы говорить. — Андрей Николаевич нахмурился, сурово посмотрел на меня:

Неужели все-таки приняли Синявского с Даниэлем? Не утерпели?

— А на какие темы положено? — Я опять закашлялся.

— Стихи у тебя хорошие. Да и «Город не должен умереть» отлично получился. — Взгляд доктора подобрел. — Всем управлением зачитывались. Эх... вспомнили боевую молодость.

Я присмотрелся к усатому повнимательнее. Вроде не старый, крепкий еще. Но полтинник точно есть, значит, успел повоевать.

— Андрей Николаевич! — шепотом взмолил-ся я. — Объясните толком, что происходит! Я же не преступник.. Хватают прямо у трапа самолета, молчком тащат на Лубянку и сразу без объяснений в камеру..

— Вообще не положено нам разговаривать с подследственными, — тяжело вздохнул доктор и тоже перешел на шепот: — Дали команду освободить целый продол под новых арестованных. Скоро начнется внеочередной пленум, видимо, будут аресты.

— Хрущев уже снят?

— Говорят, что снят. Вроде бы он в «Кремлевке» лежит с инфарктом. Слышал еще, что в Москву военными бортами начали прилетать члены ЦК.

Я вытер рукой испарину со лба, закрыл глаза. Если военные самолеты — это Малиновский. А раз министр обороны в деле, значит, в игру вступила армия. Тут рыпаться бесполезно. Бронетехники в аэропорту и по дороге в Москву я вроде бы не увидел, но ввести войска в столицу — это минутное дело. Значит, спасти уже ничего нельзя. Ложись и помирай, Русин, закончились твои приключения. Историю изменить нельзя. А если и можно, то только к худшему. Алкоголик Малиновский у руля самой большой страны мира?

Я снова закашлялся, потом устало отвернулся к стене. Иди оно все к черту! Хаос победил. В очередной раз. Разрушать всегда легче, чем строить.

— Эй, Русин, — доктор потормошил меня за плечо, — ты же боевой хлопец! Не смей сдаваться, борись за свою жизнь. У нас на войне еще и не такое случалось.

— Так то на войне. Там понятно было, где свои, где враги. И когда на границе служил, сомнений не было. А здесь...

Наш разговор прервал нарастающий шум в коридоре. Видимо, прибыла моя «какета»...

* * *

Утром просыпаюсь от того, что кто-то безжалостно трясет меня за плечо:

— Больной, подъем!

Первые секунды даже не могу понять, где я нахожусь. Кругом все белое, в воздухе витает запах лекарств, глаза слепит безжалостный свет люминесцентных ламп. Первое, что приходит на ум — Викин рабочий кабинет. Но здесь к знакомым «медицинским» запахам примешивается еще какой-то казенный. И неистребимый запах карболки, витающий в воздухе, — ее раствором сейчас в больницах все подряд обрабатывают: и полы, и инструменты. Дальше у окна, забранного решеткой, стоит еще одна кровать. Пустая. За окном, кстати, еще темно, значит, сейчас никак не позже семи утра.

На женщине, которая меня разбудила, белый халат, шапочка и маска, скрывающая пол-лица. Судя по голосу, медсестре лет сорок. В уголках ее карих глаз лучиками расходятся морщинки, но взгляд холодный и голос равнодушный, как у робота.

— Температуру меряем, — мне под мышку пихают градусник.

Движения скупые, вымеренные, профессиональные. Медсестра закатывает из коридора медицинскую тележку на колесиках, гремит крышкой металлического бокса для стерилизованных инструментов. Достает оттуда стеклянный шприц и набирает в него лекарство, ловко отломив кончик от большой ампулы. Я уже и забыл, как шприцы раньше выглядели, весь цивилизованный мир в конце 80-х перешел на одноразовые. Не хватало мне здесь еще гепатит В через грязный шприц подхватить! В палате снова запахло пенициллином. Ну, да... Андрей Николаевич ночью «порадовал», что мне его пока каждые четыре часа колоть будут. И раз в сутки кварцевать палату. А это как раз неплохо, только запах от кварцевых ламп тоже довольно специфический. Все эти медицинские звуки и запахи сейчас действуют на меня умиротворяюще, я снова прикрываю глаза. Но меня тут же безжалостно выдергивают из дремоты:

— Не спим, больной. Отдаем градусник, переворачиваемся на живот.

— Что колоть-то будете?

— Пенициллин.

Возвращая градусник, успеваю заметить, что серебристая ртуть остановилась на отметке 37,5. Ну, это еще по-божески, ночью по ощущениям она почти до 40 добралась. А вообще, ночные события я помню как-то выборочно. Смутно припоминаю, как укладывали меня на каталку, потом везли по

бесконечным коридорам, гремя ключами и дверями. Кто-то помог мне перебраться на кровать, застеленную хрустким сероватым бельем, и переодеться в фланелевую пижаму. Тело попеременно то сковывало холодом, то обдавало жаром. Губы, помню, страшно пересохли, а горло словно обмотали колючей проволокой. Меня заставили что-то выпить, кажется, это был горячий чай, затем вкачали лошадиную дозу пенициллина, а потом веки мои словно свинцом налились, и я провалился в сон. Последняя моя связная мысль была — все-таки есть какая-то насмешка судьбы в том, что Хрущев недавно велел вновь эту тюрьму открыть. Будто для меня ее специально готовил...

Болезненный укол выдергивает меня из воспоминаний, по палате плывет резкий запах медицинского спирта. Невольно приходят на ум ласковые Викины руки. Нет, ну какое же счастье, что я не послал ей телеграмму из Хабаровска! А ведь у меня была такая идея поискать в аэропорту почтовое отделение, но не успел. И сейчас бы бедная Вика с ума сходила от неизвестности, обзванивая всю ночь отделения милиции, больницы и морги. А так...

Использованный шприц с грохотом летит в эмалированную кюветку, место укола щиплет от спирта.

— Больной, таблетки.

Я послушно запиваю пару таблеток водой из маленького стаканчика. Смиренно прошу строгую медсестру:

— А чая горячего нельзя мне? Горло болит.

— Скоро завтрак. Там будет чай.

Медсестра под строгим взглядом охранника удаляется, громыхая своей тележкой, я снова откидываюсь на подушку и прикрываю глаза. Удивительно, но сегодня чувствую себя значительно лучше. Да, противная слабость, небольшая температура, горло побаливает — все это еще есть. Но со вчерашним ужасом ни в какое сравнение уже не идет. И даже страшно представить, в каком бы плачевном состоянии сегодня я проснулся, если бы не принципиальность Андрея Николаевича, поместившего меня в тюремный лазарет и принявшего экстренные меры. Похоже, удалось перехватить болезнь в самом ее начале, и надо бы поблагодарить мужика за свое спасение.

* * *

Когда я открываю глаза в следующий раз, за окном уже светло. Громко щелкает замок, медсестра заносит в палату поднос с завтраком. Вместе с ней приходят запахи больничной еды. Первое, что я делаю — жадно выпиваю чай. Медсестра, покачав головой, выходит за дверь и снова наполняет мой стакан из большого алюминиевого чайника. Я благодарно киваю ей, и она уходит. В углу палаты находится небольшая дверь, ведущая в санузел. Никаких задвижек на двери естественно нет. Как и зеркала над раковиной. Мне остается только догадываться, как я сейчас выгляжу. Да и не все ли теперь равно... Умывшись, неторопливо приступаю к еде. На за-

втрак сегодня кусок хлеба и пшенная каша, кажется, она даже на молоке. Есть можно, но вкуса ее я совсем не чувствую. Заставляю себя проглотить всю порцию, запиваю хлеб чаем. Желудок благодарно урчит, и только сейчас я понимаю, как давно не ел — последний мой завтрак был еще в Олимпийской деревне.

Вроде бы только сутки прошли, а Япония и Олимпиада вспоминаются уже как чудесный сон. Видимо, они были последним моим полезным делом в этой жизни и этой реальности. О журнале и МГУ теперь придется забыть. Из универа меня выпрут, а студенческий журнал тем, кто придет к власти, не нужен. Да и все статьи мои комитетчики наверняка уже изъяли, будут теперь в каждой строчке выискивать крамолу и антисоветчину. «Москвиных» в этой конторе хватает. Жалко, конечно, свой труд, статьи ведь действительно получились неплохими. Но больше всего мне жалко сейчас Когана-старшего, которого я на старости лет втравил в авантюру с журналом. Работал бы он сейчас в «Правде», продолжал писать свои фельетоны и горя бы не знал. Может, даже и про снятие Хрущева доверили отписаться — дескать, самодур и волюнтарист. Я с улыбкой вспомнил, как объяснял термин школьникам.

А теперь Когана затакают по партсобраниям, всю душу из бедного еврея вытрясут, и ни одна ведь тварь за него не заступится! Прошлые заслуги никого не волнуют.

Мои невеселые размышления прерывает приход Андрея Николаевича. Утренний обход. Мои легкие